

ВЛИЯНИЕ «МЯГКОГО ПРАВА» НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

В данной статье автором проведено исследование влияния юридически необязательных актов «мягкого права» на различные компоненты международной правовой системы. В качестве одного из выводов указывается взаимодействие правовых и политических средств регулирования.

Ключевые слова: международные юридически необязательные нормы; международная правовая система; источники международного права; использование «мягкого права»; международное правосознание.

The article deals with analysis of influence of international non-binding acts of «soft law» on international legal system. As one of the conclusions an interaction of legal and political means of regulation is highlighted.

Key words: international non-binding norms; international legal system; sources of international law; application of «soft law»; international legal awareness.

Система международных отношений подлежит регулированию различными по своей природе нормативными средствами. Международное право, занимая значительное место среди них, является наиболее предпочтительным, так как позволяет упорядочить межгосударственное взаимодействие в более предсказуемом направлении и является менее затратным.

Однако правовыми методами не исчерпывается упорядочивание различных областей межгосударственного сотрудничества. Международные отношения, являясь отношениями властными по своей природе, носят политический характер. Поэтому даже в случае их «заключения» в правовые рамки, сохраняется вероятность обращения к политическим приемам. Существуют также такие сферы межгосударственного общения, где удел влияния неправовых механизмов сравнительно высок [7, с. 22—29]. Кроме того, нельзя отрицать случаи прямого нарушения международно-правовых норм, когда разрешение споров возможно лишь комплексными средствами, учитывающими специфику различных видов регуляторов.

Значительная часть международных политических средств и методов регулирования нормативно закреплена. В межгосударственной и национальной практике все заметнее взаимодействие правовых норм с международными рекомендациями, политическими нормами. Р.А. Мюллерсон, рассматривая проблему соотношения внутригосударственного и международного права, вы-

сказал мнение, как представляется, вполне применимое и к данному аспекту исследования: «Каждую конкретную научную проблему можно рассматривать с двух точек зрения: как систему, состоящую из ряда более частных проблем, и как подсистему более широкой системы» [11, с. 58].

Представителями науки международного права были разработаны концепции, так или иначе объединяющие различные по своей природе международные нормы: концепция «международной юридической системы» Г.И. Тункина [34, pp. 56—76], концепция «международной нормативной системы» И.И. Лукашука [9, с. 16—73]. Соответствующие публикации, подготовленные на эту тему в последнее время, свидетельствуют об актуальности и необходимости проведения более пристального анализа специфики отдельных разновидностей международных норм [13, с. 100—106]. На необходимость более широкого подхода к системе международного права обращено внимание и зарубежными исследователями [36, pp. 71—73].

Международные неправовые нормы, как правило, характеризуются термином «мягкое право». Несмотря на определенные споры, касающиеся того, что именно представляет собой «мягко-правовая» норма, как видится, последняя является юридически необязательным правилом поведения, созданным в одностороннем порядке международной организацией (норма-рекомендация) либо со-

гласованным субъектами международного права (политическая договоренность). Норма «мягкого права» может быть закреплена в качестве принципа деятельности либо формально определенных норм и реализуется государствами на добровольной основе в рамках международного и национального права. В то же время вряд ли допустимо рассматривать международную неправовую норму и норму «мягкого права» как тождественные явления, поскольку содержание первой не ограничивается международными рекомендательными и морально-политическими установками.

В этой связи представляет интерес рассмотрение влияния «мягкого права» на различные компоненты международной правовой системы (система международного права, международная практика и международное правосознание должностных лиц межгосударственных органов) [10, с. 30—36; 1, с. 53—70]. Как отмечает И.И. Лукашук, «задача юриста современности не только определить связь между резолюциями и международным правом, но также изучить их как независимый феномен, чья роль в управлении международными отношениями возрастает» [24, р. 38].

Взаимовлияние международного права и «мягкого права» на уровне нормотворчества. Вопросу роли и значения рекомендаций международных организаций, международных договоренностей для системы международного права традиционно уделяется значительное внимание [19, с. 270—292; 8, с. 122—151; 30, pp. 46—90]. Очевидно, можно признать положение, согласно которому резолюции, выражающие согласованную волю государств-членов в отношении конкретного правила поведения, могут самостоятельно регулировать определенную сферу отношений, способствуя становлению норм международного права.

Нормотворческая активность Генеральной Ассамблеи ООН, прежде всего, сказывается на процессе создания обычных норм. По точному замечанию Л. Кондорелли, «посредством деклараций большинство государств показывают, каким они желают видеть преобразуемое право, провозглашают необходимость таких изменений и оказывают давление для того, чтобы вести практику в желаемом направлении» [21, р. 200]. Принимаемые ею акты наряду с международными соглашениями и прецедентами, дипломатической практикой, национальным законодательством и международно-правовой доктриной служат одной из форм проявления государственной практики как элемента

международного обычая. Стало возможным вести речь о более динамичной, сознательной, целенаправленной и коллективной процедуре формирования данного источника международного права.

Действию норм «мягкого права» на международный обычай и международный договор уделяется внимание авторитетными международными научными органами [33; 32], а также Международным Судом, которым было отмечено, что «резолюции Генеральной Ассамблеи, даже если они не носят обязательного характера, иногда могут иметь нормативное значение. При определенных обстоятельствах они могут обеспечивать свидетельства, важные для установления факта наличия какой-либо нормы или появления *opinio juris*. ... Целый же ряд резолюций может свидетельствовать о постепенной эволюции *opinio juris*, требуемого для установления новой нормы» [23, pp. 32—33, par. 70].

В результате основные признаки международного обычая претерпевают определенные изменения. Помимо того, что со временем исчезает необходимость в длительной межгосударственной практике при образовании международно-правовой обычной нормы, наблюдается утрата такого неотъемлемого для обычая признака как неписаный характер предписываемого им правила поведения. Ю.М. Колосов, затрагивая проблему видов норм обычного международного гуманитарного права, отмечает: «Мы являемся свидетелями обратного движения — от формулировки положения к признанию его в качестве обычая» [4, с. 20—21].

Значительное влияние на международно-правовой обычай происходит путем обращений к нормам «мягкого права» в национальной правоприменительной деятельности. Примечательно, что данный процесс носит циклический характер: на основе рекомендаций складывается устойчивая внутригосударственная практика, выступающая основой становления международных норм юридически обязательного и рекомендательного характера, которая, в свою очередь, затрагивает национальное законодательство и международную практику в целом [16, с. 102].

Показательны в этом отношении доклады Генерального секретаря ООН, получившие название «Мероприятия в развитие консультативного заключения Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» [12], подготавливаемые с целью рассмотрения хода выполнения одноименных резолюций, периодически включаемых в повестку дня

обсуждения Ассамблеи. В докладах дается анализ проделанной государствами работы, а также оглашается информация, полученная от правительств об исполнении морально-политических обязательств.

Таким образом, влияние рекомендаций международной организации на норму международного обычая является довольно сильным, что, однако, не служит основанием для отрицания существования обычая «классического» типа.

Ощутимо воздействие не обладающих юридической силой решений Генеральной Ассамблеи ООН на международные соглашения. В отсутствие необходимых договорных норм положения рекомендательных актов осуществляют предправовое регулирование различных областей межгосударственного сотрудничества (права человека, космические исследования и др.). Однако со временем данные нормы «мягкого права» могут получить закрепление в договорной форме. Среди последних универсальных международных соглашений, основой которых послужил акт «мягкого права», следует назвать Конвенцию о правах инвалидов и факультативный протокол к ней 2006 г., выработанные с учетом Декларации о правах инвалидов 1975 г.

Рекомендации международных организаций, международные политические договоренности оказывают влияние на договор не только в процессе его разработки и заключения, но также после того, как договор вступил в силу. В частности, после принятия Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. со стороны государств-участников последовала оценка эффективности соблюдения возложенных на них обязательств. В Заключительном документе Конференции 2010 г. в очередной раз было подтверждено, что «строгое соблюдение всех положений Договора сохраняет центральное значение для достижения общих целей полной ликвидации ядерного оружия, предотвращения, при любых обстоятельствах, дальнейшего распространения ядерного оружия и сохранения жизненно важного вклада Договора в обеспечение мира и безопасности» [2, с. 3].

Очевидно, современной тенденцией международного правотворческого процесса является все возрастающее значение морально-политических, рекомендательных норм, на основе которых подготавливаются международные соглашения различного уровня. Все чаще Преамбулы международных договоров закрепляют многочисленные отсылки

к «мягкому праву». Например, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. учитывает решения, принятые в ходе проведения региональных конференций на уровне министров юстиции, а также рекомендации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) [5], а государства-участники Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. принимают во внимание документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и резолюции Европейской экономической комиссии ООН [6, с. 3—18].

Рассмотренные выше случаи свидетельствуют о содействии международных норм, не являющихся юридически обязательными, становлению и дальнейшему соблюдению международно-правовых норм. Однако это влияние не носит одностороннего характера. Напротив, не исключено и обратное. Путем закрепления обязательности следования рекомендации в договоре или при включении ее правил непосредственно в текст договора, при признании рекомендации (договоренности) в качестве составной части международного обычая неправовые нормы могут приобретать юридическую силу. Порою международные соглашения заключаются с целью дальнейшего развития «мягкого права»: преамбула Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы 1995 г. содержит обязательство «развивать и претворять в жизнь положения Декларации глав государств и правительств государств-членов Совета Европы, принятой в Вене 9 октября 1993 г. [14, с. 11—28].

Поэтому вполне уместно вести речь о взаимосвязи международных договоров с рекомендациями международных организаций и международными договоренностями, которая наблюдается в случае подготовки международных актов, направленных на дальнейшее усовершенствование правового регулирования конкретной сферы межгосударственного сотрудничества. Так, одно из главных различий Манильской декларации о мирном разрешении международных споров 1982 г. и Устава ООН, как отмечает Г.Г. Шинкаревич, состоит в том, что усилия государств согласно Декларации должны быть направлены не только для «предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» (п. 1 ст. 1 Устава ООН), а на то, чтобы «избегать споров между собой, могущих нарушить дружественные отношения между государствами» (п. 1 Декларации) [18, с. 364—365].

В итоге может быть разработан правовой акт, предмет регулирования которого шире, по сравнению с актом «мягкого права». Судебная палата Международного трибунала по бывшей Югославии пришла к выводу, что Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. содержит более широкое определение понятия «пытка», чем предшествующая ей Декларация 1975 г. [25, pp. 59—63, paras. 159—161].

Содействие морально-политических норм в становлении, развитии и изменении содержания источников международного права, однако, во многом зависит от того, насколько успешно субъекты международного права обращаются к рекомендациям и воплощают их предписания в своей деятельности.

Воздействие «мягкого права» на реализацию норм международного права. Морально-политические нормы «мягкого права» оказывают влияние не только на нормативную компоненту международной правовой системы (источники международного права), но и на текущую межгосударственную практику, поскольку подлежат активному использованию международными органами, прежде всего, системой судов международного правосудия.

По мнению С.Г. Коваленко, подобные случаи являются новыми в процессе международного судебного разбирательства. В качестве примера приводится применение принципа устойчивого развития Международным Судом ООН в решении по делу Габчиково-Надьмарош, а также принципа предосторожности Международным трибуналом по морскому праву ООН в решениях по делу о южном голубом тунце [3, с. 126—127]. Оба принципа получили закрепление во многих международных документах, лишенных юридической силы.

Тем не менее нельзя согласиться с автором в том, что обращение к рекомендациям представляет собой новое явление. Полагаем, речь должна идти о росте количества обращений к данному виду международных актов. Практика позволяет судить об учете в деятельности судов норм рекомендательного характера и в прежние годы. В частности, Международный Суд в своей деятельности неоднократно обращался к резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН. Правда, как правило, его ссылки ограничивались толкованием их правовой природы либо касались тех рекомендаций, которые

рассматривались им скорее как отражение международного обычая, чем неправовые, моральные нормы. Последние акты Международного Суда свидетельствуют о некоторых изменениях в его подходах.

Консультативное заключение по делу о законности объявления независимости Косово 2010 г. содержит ссылки на Декларацию о принципах международного права 1970 г. и Заключительный акт конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. При этом, если статус первого международного документа выглядит достаточно определенным (Декларация по утверждению Суда представляет собой отражение обычного права), то правовой анализ Хельсинского акта отсутствует, Суд ограничивается лишь цитатой его текста [20, p. 30, paras. 80]. В другом консультативном заключении Международный Суд в качестве аргументации своей позиции сослался на выводы, полученные в ходе проведения конференций, периодически созываемых Международным комитетом Красного Креста [22, pp. 174—175, paras. 95—96].

Разумеется, в данной ситуации не происходит непосредственное применение рекомендаций. «Мягкое право» используется наряду с правовыми нормами в качестве вспомогательного средства формулирования правовой позиции, толкования действующего права, определения норм «неписаного» обычая. С помощью рекомендательных норм международное право становится «живым», в него привносятся современные тенденции развития международной жизни. Все это, безусловно, положительно влияет на правоприменительную деятельность и в конечном итоге способствует разрешению конфликтов, споров. Подобные выводы были сформулированы Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции «Рассмотрение вопроса о роли Международного Суда» 1974 г., где сказано, что «...развитие международного права может, в частности, отражаться в декларациях и резолюциях Генеральной Ассамблеи, которые Международный Суд в известной степени может принимать во внимание» [15].

Международное «мягкое право» учитывается и иными международными судебными учреждениями, в частности, Международным трибуналом по бывшей Югославии, деятельность которого позволяет судить об определенном влиянии морально-политических актов на правоприменительный процесс.

Об усилении роли «мягкого права» на международное свидетельствует разбира-

тельство «Prosecutor v. Dusko Tadic a/k/a «Dule». В данном процессе Палата Международного трибунала по бывшей Югославии, сославшись на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов» 1968 г. и «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов» 1970 г., отметила, что «резолюции играли двоякую роль: они провозглашали принципы международного обычного права... и, в то же время, предназначались для содействия в принятии договоров по вопросу, разработанному для того, чтобы определить и конкретизировать данные принципы» [27, paras. 112]. Дело в том, что термин, используемый в Декларации 1970 г., позволил полностью охватить все виды вооруженных конфликтов, поскольку Женевские и Гагские соглашения распространяли свое действие лишь на отдельные из них.

Отсутствие необходимых правовых регуляторов может явиться причиной обращения к международным нормам, лишенным юридической силы. Однако их возможное противоречие способно затруднить восполнение пробела в механизме международно-правового регулирования. В этой связи интерес представляет слушание «The Prosecutor v. Enver Hadzihanovic, Mehmed Alagic, Amir Kubura» [28]. Суть дела сводилась к определению наличия обычной нормы, касающейся коллективной уголовной ответственности высших должностных лиц в период вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Палата Трибунала исследовала широкий круг актов, в том числе неправового характера, предварительно обосновав необходимость обращения к ним. К сожалению, полученные выводы носили прямо противоположный характер. В итоге Суд констатировал отсутствие правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность руководителей преступных групп в течение немеждународных вооруженных конфликтов.

Широко распространены ссылки на международное «мягкое право» в работе Европейского Суда по правам человека, который в своих решениях приводил, в том числе, такие акты, как Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Res(2000)19 «Роль прокуратуры в системе уголовного правосудия» и Стандарты «Восьмого Конгресса ООН по предотвращению преступности и обращению с преступниками» 1990 г. («Озеров против Российской Федерации»), «Заключительный акт Совещания по безо-

пасности и сотрудничеству в Европе» 1975 г. («Кононов против Латвии»), документ Всемирной организации здравоохранения «Лечение туберкулеза: руководящие принципы для национальных программ» 2003 г. («Москалюк против Российской Федерации»), а также серию рекомендаций Комитета Министров и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, касающуюся торговли людьми для сексуальной эксплуатации («Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации»), Резолюцию 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» («Кимля и другие против Российской Федерации») [35].

Случаи, когда международные суды прибегают к «мягкому праву», свидетельствуют о разнообразных способах содействия норм неправового, морально-политического характера правовому регулированию: восполнение пробелов в праве путем дачи дефиниций и толкования тех или иных понятий; определение содержания международного обычая или подтверждение его существования; усиление правовой аргументации путем приведения экспертных оценок авторитетных международных структур в отношении сложившейся спорной ситуации; информирование о существующих международных стандартах и необходимости их соблюдения.

Тем не менее «мягкое право» обнаруживает недостатки, которые проявляются, в частности, в возможной противоречивости положений, содержащихся в юридически необязательных международных актах, принятых в различный период. Вероятно, допустимо несколько вариантов решения данной проблемы в зависимости от наличия соответствующих международно-правовых норм.

Представляется, что при существовании последних следует соотносить рекомендательный акт с действующими правовыми нормами, отдавая предпочтение, разумеется, правовым, но лишь тем из них, которые носят обязательный для государства характер. Иное препятствовало бы свободному формированию устойчивой государственной практики. При отсутствии же требуемых норм международного права, вероятно, следует применять принцип *lex posterior derogat legi priori*.

Однако, вне зависимости от возможности обращения к международному праву, в случае возникновения коллизии между неправовыми нормами «мягкого права», следует учитывать обстоятельства принятия кон-

кретной рекомендации, поскольку «мягкое право» — это политические акты, которые служат, в том числе, одним из средств продвижения интересов определенной группы государств, политической борьбы.

Правосознание должностных лиц международных органов и «мягкое право». Отсутствие юридических механизмов принуждения к соблюдению международных неправовых обязательств ставит в зависимость их осуществление от политической воли государств. В результате использование морально-политических нормативных регуляторов членами международных и национальных властных структур свидетельствует об уровне их правосознания, с одной стороны, а с другой — характеризует «мягкое право» как одно из средств его формирования и развития.

Влияние рекомендаций, политических договоренностей на правосознание разнообразно. Оно может носить правовой характер, когда правовые нормы декларируют или призывают международные и национальные органы принимать во внимание «мягкое право», следовать ему в своей деятельности. Судебные решения демонстрируют использование международных норм, лишенных юридической силы, и в правоприменительных актах. При этом, разумеется, не исключено и неправовое влияние «мягкого права», поскольку принятие каждого международного акта (правового и неправового по своей природе) всегда влечет реакцию международного сообщества и, как следствие этого, его оценку.

Обратимся к материалам практики, служащей подтверждением значительного воздействия морально-политических норм на правосознание отдельных должностных лиц.

В деятельности международных судов имеют место случаи, когда вынесенное решение основывается, в том числе, на «мягко-правовых» актах. В деле «The Prosecutor v. Biljana Plavsic», рассмотренном Международным трибуналом по бывшей Югославии, в разделе, посвященном обоснованию позиции Суда, закреплено, что последний опирался на ст. 8 («а») Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. (обязательность акта вытекает из соглашений об осуществлении приговоров Суда, заключаемых между ООН и конкретным государством) и ст. 11 (2) Приложения к Рекомендации Совета Европы No. R(87)3 Комитета Министров от 12 февраля 1987 г. [26] В данном случае воз-

никает вопрос о правомерности использования рекомендательного акта, определения природы его норм.

Порою важность и значение «мягкого права» непосредственно подчеркивается в самом тексте судебного акта. Так, Судебная палата Международного трибунала по бывшей Югославии в одном из своих приговоров указала, что «приняла во внимание совокупность официальных документов, которые несут значительный авторитет, в частности, резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, Заключительный доклад Комиссии экспертов ООН, доклады Генерального Секретаря ООН, декларации и заявления Европейского Сообщества и Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)» [29].

Европейский Суд по правам человека в ряде своих постановлений непосредственно отсылает национальные судебные органы к «мягко-правовым» актам при отправлении правосудия. В частности, в Постановлении по делу «Федченко (Fedchenko) (№ 2) против Российской Федерации» содержится пожелание, согласно которому «судам следует принимать во внимание Декларацию о свободе политической дискуссии в СМИ, принятую 12 февраля 2004 г. Комитетом Министров Совета Европы» [17, с. 78].

Приведенные решения характеризуют довольно высокий уровень доверия к неправовым нормам. Жан-Поль Коста, экс-председатель Европейского Суда по правам человека, по поводу «мягко-правовых» актов справедливо отметил, что они «часто служат источником вдохновения для наших судей. Но эти тексты могут также играть роль в предотвращении нарушений, таким образом, устраняя причины для жалобы в Суд» [31, pp. 38—39].

Данное исследование позволяет говорить о значительном влиянии, оказываемом международными нормами «мягкого права» на каждую компоненту международной правовой системы. Поскольку претворение в жизнь международно-правовых предписаний невозможно в «отрыве» от той международной правовой системы, частью которой международное право является, возникает необходимость самостоятельного изучения специфики присущей иным разновидностям международных норм в рамках данной системы.

В результате проведенного анализа более наглядно выявлено взаимовлияние международных нормативных средств различной природы. Феномен «мягкого права» связан и

во многом предопределяет содержание и применение международного права, способствует дальнейшему развитию его норм и их реализации на практике. В свою очередь, морально-политические нормы могут преодолевать свой необязательный характер. Взаимосвязь рекомендательных, политических положений с международно-правовыми становится еще более очевидной при рассмотрении их взаимодействия не только на уровне нормотворчества, но также в ходе их осуществления, обращения к ним, последстви-

ем чего служит формирование среди представителей международных структур определенных установок, убеждений, свидетельствующих о преимуществах использования юридически необязательных норм.

В итоге это обстоятельство порождает настоятельную потребность в дальнейшем совместном изучении специфики международно-правовых и «мягко-правовых» норм на различных этапах международного правового регулирования, в том числе в пределах внутригосударственной юрисдикции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов В.В.* Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем : монография. — Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2005.
2. Заключительный документ Конференции 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора (Нью-Йорк, 3—28 мая 2010 г.) // NPT/CONF.2010/50 (Vol. I). — URL : <http://www.un.org/> (дата обращения: 15.06.2012).
3. *Коваленко С.Г.* Компетенция Международного трибунала по морскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
4. *Колосов Ю.М.* Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве // Российский ежегодник международного права. Спец. вып. 2005. — СПб. : Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2006.
5. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) от 4 ноября 1999 г. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года // Бюллетень международных договоров. — 1999. — № 10.
7. *Лукашук И.И.* Международно-правовое регулирование международных отношений. — М. : Междунар. отношения, 1975.
8. *Лукашук И.И.* Механизм международно-правового регулирования : учеб. пособие для юрид. вузов. — Киев : Вища шк., 1980.
9. *Лукашук И.И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. — М. : Спарк, 1997.
10. *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2011.
11. *Мюллерсон Р.А.* Некоторые вопросы методологии науки международного права (на примере исследования проблемы соотношения международного и национального права) // Советский ежегодник международного права. 1983. — М. : Наука, 1984.
12. На пути к миру, свободному от ядерного оружия: необходимость в новой повестке дня — Ядерное разоружение — Уменьшение ядерной опасности — Мероприятия в развитие консультативного заключения Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения : доклад Генерального Секретаря // A/58/162; A/58/162/Add.1; A/59/136; A/60/122; A/61/127; A/61/127/Add.1; A/62/165; A/62/165/Add.1; A/64/139; A/65/137; A/65/137/Add.1 // <http://www.un.org/> (дата обращения: 15.06.2012).
13. *Нефедов Б.И.* Третья правовая система: действительность или правовой мираж // Право и государство: теория и практика. — 2011. — № 2 (74).
14. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ETS № 157) от 1 февраля 1995 г. // Бюллетень международных договоров. — 1999. — № 5.
15. Рассмотрение вопроса о роли Международного Суда : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3232 (XXIX) от 12 ноября 1974 г. — URL : <http://www.un.org/> (дата обращения: 15.06.2012).
16. Тиунов О.И. О характере положений Всеобщей декларации прав человека и ее влиянии на развитие взаимодействия международных и конституционных норм // Конституционное право и международное право: взаимодействие и развитие в современную эпоху : сб. науч. ст. по материалам Вторых Конституционных чтений (+ CD). — М. : РАП, 2010.

17. Федченко (Fedchenko) (№ 2) против Российской Федерации (жалоба № 48195/06) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 февраля 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2010. — № 9.
18. Шинкарецкая Г.Г. Содержание обязательства мирного урегулирования // Международное право и национальные интересы Российской Федерации / Дипломат. акад. МИД России [отв. ред.: А. А. Ковалев, Б. Л. Зимненко]. — М. : Восток — Запад, 2008.
19. Яновский М.В. Генеральная Ассамблея ООН. Международно-правовые вопросы. — Кишинев : Штиинца, 1971.
20. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo, Advisory opinion of 22 July 2010 // I.C.J. Reports, 2010.
21. Condorelli L. Custom // International law: achievements and prospects / ed. by Mohammed Bedjaoui. — Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1991.
22. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory, Advisory opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports, 2004.
23. Legality of the threat or use of nuclear weapons, Advisory opinion of 8 July 1996 // I.C.J. Reports, 1996.
24. Lukashuk I.I. Recommendations of international organizations in the international normative system // International law and the international system / ed. William Elliott Butler. — Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1987.
25. Prosecutor v. Anto Furund@Ija — Case No.: IT-95-17/1-T, paras. 160, 163 (1998). — URL : <http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/fur-tj981210e.pdf> (Last visited: 15.06.2012).
26. The Prosecutor v. Biljana Plavsic — Case No.: IT-00-40-I (2001). — URL: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/jud_supplement/supp22-e/president.htm (Last visited: 15.06.2012).
27. Prosecutor v. Dusko Tadic a/k/a «Dule (1995). — URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.htm>(Last visited: 15.06.2012).
28. The Prosecutor v. Enver Hadzihasanovic, Mehmed Alagic, Amir Kubura — Case No.: IT-01-47-PT (2002). — URL: <http://www.icty.org/x/cases/hadzihasanovic/acdec/en/021127.htm> (Last visited: 15.06.2012).
29. Prosecutor v. Zejnil Delalij Zdravko Muci] also known as «Pavo» Hazim Deli] Esad Land@O also known as «Zenga — Case No.: IT-96-21-T (1998). — URL: <http://www.icty.org/x/cases/mucic/tjug/en/cel-tj981116e.pdf> (Last visited: 15.06.2012).
30. Sloan B. General Assembly resolutions revisited (forty years later) // British yearbook of international law. 1987. — New York : Oxford University Press, 1988. — Vol. 58.
31. Speech given by Mr Jean-Paul Costa, President of the European Court of Human Rights, on the occasion of the opening of the judicial year, 25 January 2008 // Annual report 2008 of the European Court of Human Rights, Council of Europe. — Strasbourg, 2009.
32. Statement of principles applicable to the formation of general customary international law (final report of the committee on formation of customary (general) international law): International Law Association, London conference, 2000. — URL: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/30> (Last visited: 15.06.2012).
33. The elaboration of general multilateral conventions and of non-contractual instruments having a normative function or objective: Institut De Droit International, session of Cairo, 1987. — URL: http://www.idi-iil.org/idiE/resolutionsE/1987_caire_02_en.PDF (Last visited: 15.06.2012).
34. Tunkin G. International law in the international system // Recueil des cours: Hague Academy of International Law. — 1975. — Vol. 147. — Alphen aan den Rijn: Samsom-Sijthoff, 1978.
35. URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 15.06.2012).
36. Weiss E. Brown. The new international legal system // Perspectives on international law / ed. by Nandasiri Jasantuliyana. — London : Kluwer Law International, 1995.